

UDK 314.116/.117(470-13)

327::911.3(470-13)

Прегледни чланак

Review article

Александр Георгиевич Дружинин

ЮГ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ВАЖНЕЙШИЕ СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Резюме: Показано, что современный Юг России (полиэтничный, многополюсный, с выраженными межтерриториальными различиями в демографической ситуации) продолжает сохранять своё значение высокопроблемного и значимого в геостратегическом отношении макрорегиона Российской Федерации. Акцентирован возрастающий полицентризм регионального развития, охарактеризована миграционная привлекательность городов Юга России, раскрыты характерные для них этнодемографические трансформации. Предложен геоконцепт «Большого Юга России», конкретизированы основные его структурные компоненты.

Ключевые слова: Юг России, общественная география, демография, миграции, геополитика, геоэкономика, региональное развитие

Извод: Показано је, да савремени Југ Русије (полиетнички, мултиполарни, с израженим међутериторијалним разликама у демографској ситуацији) наставља да одржава своје значење високопроблемског и значајног у геостратешком односи макрорегиона Руске Федерације. Наглашен је растући полицентризам регионалног развоја, окарактерисана је миграциона привлачност градова Југа Русије, откривене карактеристичне за њих етнодемографске промене. Предложен је геоконцепт „Великог Југа Русије“, конкретизоване његове основне структурне компоненте.

Кључне речи: Југ Русије, друштвена географија, демографија, миграције, геополитика, геоекономија, регионални развој

Введение

Россия – страна *многососедского* положения [1] и эта существенная позиционная характеристика в особой мере относится к её южно-российскому макрорегиону, имеющему общую границу с пятью сопредельными с РФ странами и ещё с тремя – связанному общей акваторией Чёрного моря. Выступая одним из основных и (как это справедливо акцентировано в трудах российских геополитиков [2]) уязвимых элементов территориального каркаса современной России (обеспечивая её статус кавказско-прикаспийского и причерноморского государства, геостратегического игрока в Большом Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке), российский Юг всей своей историей и

географией обречён на существенную зависимость (по отдельным позициям явную, по иным – латентную) от ситуации в сопредельных странах, от их взаимодействия, от сложных геополитических и геоэкономических векторов, объединяющих и дезинтегрирующих постсоветское пространство, в целом всю Евразию.

Несмотря на более чем пятисотлетнюю ретроспективу южно-российского регионогенеза [3], в своих современных геопространственных контурах Юг России (как целостная территориальная социально-экономика-культурная система, особый макрорегион [4]) представляет собой в существенной мере постсоветский конструкт. С начала 1990-х гг. он «форматируется» образовавшимися после распада СССР государственными границами, реализуя в масштабе России миссию её геополитического анклава и одного из значимых геоэкономических коридоров, в полной мере сохраняя свою исторически сложившуюся этнокультурную, хозяйственную и демографическую «разноликость» [5].

Кардинально изменившееся (после распада СССР) экономико-географическое положение данной территории, её всё масштабнее используемые с конца 1990-х - начала 2000-х гг. (в связи со «взрывным» наращиванием Россией объёмов поставок на мировой рынок энергоносителей, экспортом металла, зерновых, подсолнечника и параллельным ростом импортозависимости) транспортно-транзитные возможности (в том числе и благодаря реализации инвестиционных проектов наподобие КТК, «Голубого потока», реконструкции Новороссийского морского порта и др.) были, одновременно, поддержаны усилиями по укреплению военно-политического присутствия РФ на Северном Кавказе, а также мерами (имплантированными в череду действующих с 2002 г. регионально ориентированных ФЦП¹) по развитию инфраструктуры и стабилизации социальной сферы. Позиции российского Юга (как одной из «фокусных» составляющих страновой социально-экономической системы) безусловно подкрепили инвестиции в организацию и проведение XXII Олимпийских зимних игр в г. Сочи (благодаря «олимпийскому проекту» Краснодарский край на целое пятилетие получил возможность практически удвоить ежегодный объём инвестиций в основной капитал; численность населения г. Сочи в этот период устойчиво росла в среднем на 2 % в год). Параллельно, Юг России всё активнее «осваивался» крупным российским и

¹ Включая три сменяющие друг друга Федеральные целевые программы «Юг России» (2002 - 2006 гг., 2008 - 2013, 2014 - 2020 гг.), ФЦП "Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008 - 2012 годы", ФЦП "Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010 - 2016 годы", Государственная программа Российской Федерации "Развитие Северо-Кавказского федерального округа" на период до 2025 года» и др.

транснациональным бизнесом, интегрировался в российское и глобальное рыночное пространство, наращивал свой демографический и потребительский потенциал и, при этом, фрагментировался, видоизменял пропорции и структуру, обретая новые импульсы и тренды [6 - 10].

Современный геостратегический контекст Юга России

Меняющийся (с зимы-весны 2014 г. – рельефно, зримо) геополитический контекст (когда во внутриукраинском конфликте наша страна, по выражению С. Караганова, «отказалась играть по старым западным правилам» [11]), явив *рост геополитической субъектности России* и обнажив (радикально-кровавой вестернизацией Украины, активным вовлечением в евроатлантические структуры Грузии и Молдовы, равно как и реализацией ряда последовательных шагов по выстраиванию Евразийского экономического союза) *новый «виток» реформирования евразийского пространства*, ознаменовал собой **фактическое завершение постсоветского периода евразийской геоистории** и выход на её авансцену «*постпостсоветской*», в ещё большей мере (чем ранее) транзитивной, поливариантной по своей перспективе, геополитически и геоэкономически фрагментированной, полицентрической, полизависимой **неоевразийской реальности**. Южно-российский макрорегион (в его современной общественно-географической ипостаси) – её сфокусированное фактическое воплощение; подобного рода геостратегические трансформации для Юга России – существенны, сопровождаются многоаспектными общественно-географическими изменениями.

Важнейшее из них, ощутимо преобразившее всю территориально-структурную архитектуру Юга России, связано с возвращением Крыма в российскую юрисдикцию (март 2014 г.). «Пополнившись» миниатюрной (всего 27 тыс. км², из которых 26,1 тыс. км² приходится на Республику Крым и 0,9 тыс. км² – на г. Севастополь), весьма заселённой (плотность населения в Крыму - 87 чел / км², в то время как, к примеру, в Краснодарском крае – 70, а в Ростовской области – 42 чел / км²) и чрезвычайно геостратегически значимой территорией, южно-российский анклав, в итоге, глубже «вклинился» в Причерноморье, оказавшись ещё более «весомым» (чем ранее) демографически: по ситуации на 1.01.2013 численность населения Крыма (согласно данным Государственного комитета статистики Украины) достигала 2348,6 тыс. чел., т.е. 5,1 % от всего населения Украины и 1,6 %, соответственно, России. Вхождение полуострова в состав Российской Федерации, рельефнее высветив юго-западный вектор «перетока» её демографического потенциала и частично восполнив депопуляционные потери предшествующих лет («вернув» численность населения страны к уровню 2001 года), объективно усилило дисбаланс между социальными

приоритетами (и ожиданиями) южно-российских территорий и их фактическими экономическими трендами и возможностями.

Подчеркну, несмотря на определённые социально-экономические и культурно-ментальные различия (в том числе и генерированные двадцатитрёхлетней постсоветской историей), и позиционно, и демографически, и своей стремительно перенастраивающейся «на Россию» логистикой, и профильной туристско-рекреационной хозяйственной специализацией, Крым в целом «органичен», имманентен «остальному» Югу России. Полиэтничность полуострова, состояние его инфраструктуры [12] и экономики (уже ряд лет душевой ВРП в Крыму не превышает 30 % от среднего по России), а также практически неизбежное пролонгированное функционирование социально-экономической системы полуострова в качестве ареала сфокусированного (прежде всего, информационно-культурного) воздействия разноректорных внешних сил – во многом «сближает» этот специфический регион с большинством других южно-российских территорий; его интеграция в систему российского Юга благоприятствует консервации (а по возможности и наращиванию) традиционно ориентированных на макрорегион бюджетно-финансовых потоков, подкрепляя макроэкономический статус Юга России как приоритетного реципиента геополитической ренты.

Новое позиционирование Крыма (как одного из федеральных округов РФ) создаёт предпосылки для долговременного и массивного «перетока» на полуостров бюджетных ресурсов Российской Федерации (в перспективе, вероятно, вполне сопоставимого с имевшими место ранее расходами на восстановление Чеченской Республики²) и это, кстати, инициирует не только «подтягивание» его инфраструктуры и социальной сферы, но и «переформатирование» экономики: расширение присутствия в ней крупных российских компаний, переориентацию местного производства и потребления на рынки регионов России. В данном контексте (в соответствии с логикой центр-периферийной организации и метрополитизации [13]) непосредственно на полуострове возрастёт экономическая и селитебная привлекательность Севастополя (теперь уже третьего в России «города федерального значения»), рельефнее проявят себя локализационные эффекты на ценных в рекреационном отношении территориях, больший социально-экономический динамизм получит Керченский полуостров. В целом же, недавние политико-территориальные изменения (а также связанные с ними, равно как и с общим геополитическим контекстом, шаги по усилению военно-стратегического присутствия Российской Федерации в северном

² За 2000 - 2012 гг. на Чеченскую Республику пришлось 453,5 млрд. руб. безвозмездных перечислений из федерального бюджета, не считая сопоставимых с ними прямых расходов РФ.

Причерноморье) создают предпосылки для расширения (и укрепления) всего южно-российского причерноморского «фасада», благодаря государственной политике (как уже реализованной, так и декларируемой) и социально-экономическим эффектам талассоаттрактивности последовательно обретающего качество «Причерноморской дуги опережающего развития» (от Адлера и Сочи до Евпатории) (рис. 1).

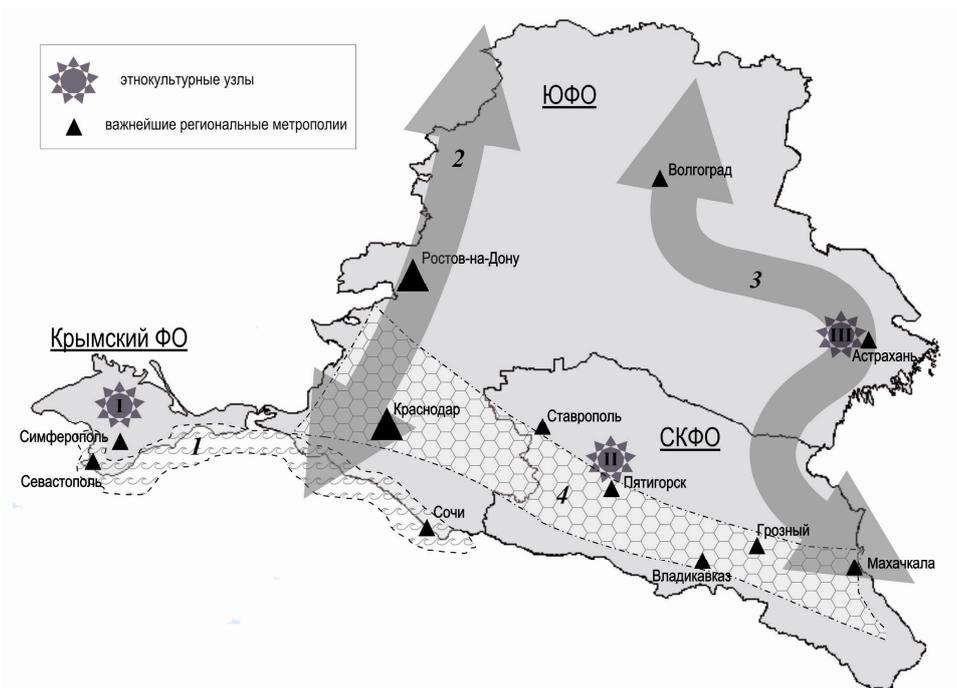

Рисунок 1. Социально-экономическая система Юга России: основные территориальные компоненты*

* 1 - Причерноморская дуга опережающего развития; меридиональные социально-экономические и транспортно-коммуникационные оси: 2 - Кубанско-Донская; 3 - Каспийско-Нижневожская; 4 - Предкавказская селитебная и хозяйственная полоса; важнейшие этнокультурные узлы: I – Крымский; II - Ставропольско-Кавминводский; III - Астраханский.

В ситуации практически неизбежной эскалации «барьерности» российско-украинской границы, в функционировании всего юго-западного анклава России в ещё большей мере обретают «каркасное», системоформирующее значение и две его исторически сложившиеся меридиональные оси: **Кубанско-Донская** (от Новороссийска, через Краснодар, Ростов-на-Дону и далее в направлении Воронежа и Москвы), формируемая приоритетным агропромышленным ареалом Юга, его

основным транспортно-транзитным коридором и двумя ведущими региональными метрополиями (Ростовом-на-Дону и Краснодаром), и **Каспийско-Низневожская** (от Махачкалы, через Астрахань, Волгоград и далее на агломерации Поволжья и Москву).

Важнейшие демографические тренды

Симптоматично, что именно на двух вышеназванных меридиональных социально-экономических и транспортно-коммуникационных осях локализованы 17 из всех 30 южно-российских городов с людностью 100 тысяч и более (таблица 1); подавляющая часть из них (15) за последний межпереписной период продемонстрировала свою миграционную притягательность (среди «оставшихся» 13 городов устойчивое положительное сальдо миграции зафиксировано лишь в Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках, Ставрополе, Грозном и Черкесске).

Судя по демографической статистике, ведущим на Юге России реципиентом миграции за период 2002 - 2010 гг. является Ростовская агломерация (гг. Ростов-на-Дону, Азов, Батайск, Новочеркасск, Таганрог) вместе с «приближенными» к ней дорожным строительством и автомобилизацией центрами Восточного Донбасса (гг. Шахты, Новошахтинск и др.); по показателю сальдо миграции г. Ростов-на-Дону, при этом, существенно уступает Краснодару, лишь ненамного опережая Махачкалу, Ставрополь и Волгоград. Ситуация эта – показательна и закономерна, поскольку уже с конца 1990-х гг. (момента, когда Краснодарский край обрёл ипостась не только демографического, но и экономического макрорегионального лидера) и далее, по мере восстановления Грозного, «взрывного» роста Махачкалинской агломерации (ныне – с более чем миллионным населением, наиболее динамичной групповой системы расселения как в макрорегионе, так и в целом по стране) и постепенного наращивания традиционно сохранявшейся «дистанции» приволжских городов (Волгограда и Астрахани) с иными ведущими южно-российскими региональными метрополиями, территориальная организация Юга России всё в возрастающей мере обретала (и продолжает наращивать) полицентрическую архитектуру. Корреспондирующее в новыми геополитическими и геоэкономическими реалиями «перестроение» территориальной социально-экономической системы Юга России (консервируя сложившуюся иерархию урбанистических центров, асимметрию их возможностей и трендов), безусловно, придаст дополнительный импульс **возрастающему полицентризму** регионального развития. Вне выстраивания эффективных горизонтальных связей между всеми ведущими региональными метрополиями Юга, наращивания их экономической и социокультурной взаимозависимости, подобный

Александр Георгиевич Дружинин

полицентризм (в случае ухудшения макроэкономической конъюнктуры) способен увеличить риски чрезмерной (геополитически и геокультурно неприемлемой) регионализации и фрагментации. Ощутимое влияние на ситуацию, при этом, способны оказать и прогнозируемые долгосрочные гео- и этнодемографические изменения.

*Таблица 1. Сальдо миграции в городах Юга России с численностью населения более 100 тыс. жителей за 2002-2010 гг.**

Город	Число жителей, чел. **		Динамика численности за 2002-2010 чел.	Среднегодовой (за 2002-2010 гг.) коэффициент естественного прироста, промилле***	Естественный прирост (+) либо убыль (-) населения за 2002-2010 гг., чел.	Сальдо миграции за 2002-2010 гг., чел.	Сальдо миграции за 2002-2010 гг. на 1000 жителей, чел.
	2002	2010					
Армавир	211824	188987	- 22837	- 3,7	- 6293	- 16544	- 88
Астрахань	504501	520662	16161	- 1,5	- 7029	23190	45
Батайск	107438	111856	4418	- 5,6	- 5637	10555	90
Владикавказ	315608	311635	- 3973	0,8	2244	- 6217	- 20
Волгоград	1011417	1021244	9827	- 4,5	- 41390	51217	50
Волгодонск	165994	170621	4627	- 5,6	-8599	13226	76
Волжский	313169	314436	1267	- 4,5	- 12735	14002	45
Грозный	210720	271596	60876	21,0	51332	9544	35
Дербент	101031	119961	18930	10,5	11336	7594	63
Ессентуки	81758	100969	19211	- 3,0	- 2726	21937	217
Камышин	127891	119924	- 7967	- 4,5	- 4856	- 3111	- 26
Каспийск	77650	103914	26264	10,5	9820	16444	158
Кисловодск	129788	128502	-1286	- 3,0	- 3470	2184	17
Краснодар	646175	744933	98758	- 3,7	- 24806	123564	166
Майкоп	156931	144246	- 12685	- 3,5	- 4544	- 8041	- 56
Махачкала	462412	577990	115578	10,5	54620	60958	105
Нальчик	274974	240095	- 34979	2,1	4538	- 39517	- 165
Невинномысск	132141	118351	-13790	- 3,0	- 3195	- 10595	- 90
Новороссийск	232079	241778	9699	- 3,7	- 8051	17750	73
Новочеркасск	170882	169039	- 1843	- 5,6	- 8519	6676	39
Новошахтинск	101131	111087	9956	- 5,6	- 5599	15555	140
Пятигорск	140559	142387	1828	- 3,0	- 3845	5673	40
Ростов-на-Дону	1068267	1089851	21584	- 5,6	-54928	76512	70
Сочи	328809	347884	19075	- 3,7	- 11585	30660	88
Ставрополь	354867	398266	43399	- 3,0	- 10753	54152	136
Таганрог	281947	257692	- 24255	- 5,6	- 12988	- 11267	- 44
Хасавюрт	121817	133929	12112	10,5	12656	- 554	- 4
Черкесск	116244	121439	5195	1,4	1530	3665	30
Шахты	222592	240152	17560	- 5,6	- 12104	29664	124
Элиста	104254	103728	- 526	2,7	252	- 779	- 8

* составлено автором по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

** учитывается только собственно городское население

*** рассчитывается в целом по соответствующему региону

Ситуация такова, что положительная демографическая динамика на Юге (за последнее десятилетие замедлившаяся более чем втрое) локализована в ограниченном числе регионов, прежде всего на территориях с сохраняющимся высоким естественным приростом. Базирующийся на методе «подвижки поколений» прогнозный расчёт численности населения для ряда регионов Юга России (табл. 2) показывает, что уже самой

фактически сложившейся возрастной структурой населения практически предопределено дальнейшее «перераспределение» демографической «массы» в пользу ряда северокавказских регионов и на этой основе, в частности, формирование на юго-востоке макрорегиона нового бицентрического урбанистического «ядра» общероссийского значения: даже при сохранении современного уровня урбанизированности и концентрации горожан в региональных столицах (что маловероятно, поскольку и в Дагестане, и в Чечне существует потенциал роста доли городского населения) к рубежу 2030 года Махачкала обретёт крайне важный для самопозиционирования статус «города-миллионера», а демографический потенциал Грозного преодолеет пятисоттысячный рубеж. На этом фоне «заданная» современной демографической структурой и трендом депопуляция «степных» регионов – нынешних макрорегиональных лидеров (в том числе Ростовской области и Краснодарского края) в случае вероятностного сохранения современного социально-экономического градиента «запад – восток» будет отчасти компенсироваться межрегиональной миграцией с неизбежными этнодемографическими, а на их основе – и этнокультурными изменениями.

*Таблица 2. Прогноз численности населения ряда регионов Юга России (без учёта фактора миграции)**

	Численность населения, чел., 2010 г.	Доля (усреднённо) годовой генерации в диапазоне 0 - 24 лет в населении, %	Доля (усреднённо) годовой генерации в диапазоне 25-54 лет в населении, %	Соотношение долей генераций в диапазоне 0 - 24 лет и 25-54 лет	Гипотетическая (на основе учёта ожидаемой «подвижки» поколений) расчётная численность населения к 2040 г.
Краснодарский край	5226647	1,17	1,46	0,80	4181317
Астраханская область	1010073	1,27	1,47	0,86	868662
Ростовская область	4277976	1,14	1,47	0,78	3336821
Волгоградская область	2610061	1,16	1,46	0,79	2061948
Республика Дагестан	2910249	1,82	1,40	1,30	3783323
Чеченская Республика	1268989	2,08	1,28	1,63	2068452

* составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2010 года

Фиксируя внимание на перманентных подвижках геоттнокультурных рубежей преимущественно в северо-западном направлении как доминантном и устойчивом макрорегиональном тренде, заметим, что далеко не во всех локальных ситуациях «замещаемо» исключительно русское население. Так, к примеру, в традиционно

«овцеводческих» районах юго-востока Ростовской области (Дубовский, Заветинский, Зимовниковский и Ремонтненский районы с традиционным присутствием «северокавказской составляющей» в демографической структуре и экономике) за два последних межпереписных периода численность проживающих здесь на постоянной основе чеченцев сократилась с 10577 чел. до 6209 человек, аварцев же и даргинцев – возростала, достигнув к 2010 г., соответственно, 1094 и 4686 чел. (в 1989 г. в пределах субрегиона не зафиксировано ни одного из представителей этих ведущих по численности народов Дагестана); данная трансформация наблюдалась при устойчивом (на 12,8 % за более чем два десятилетия) сокращении численности собственно русских.

Демографическая статистика беспристрастно фиксирует не только факт наличия на Юге этноконтактных зон, расширения (и смещения) их ареалов, но и преимущественную ориентацию иноэтнических миграций на важнейшие «ядра» социально-экономического благополучия – крупнейшие города и городские агломерации. Характерно, что вклад автохтонных северокавказских народов в этнодемографическую динамику региональных метрополий Юга весь постсоветский период оставался весьма невелик. Так, в частности, в 1990-е гг. в г. Ростове-на-Дону прирост численности представителей трёх крупнейших народов Северного Кавказа (чеченцев, аварцев и даргинцев) в сопоставлении с аналогичной динамикой этносов Закавказья (азербайджанцев, армян и грузин) соотносился как 1 к 16; в последующее десятилетие (на фоне численного сокращения в городе армянской и грузинской этнических составляющих и общего «затухания» «кавказского вектора» миграционного потока) подобная пропорция составила 1 к 4. И в границах отдельных городских центров, и в целом по Югу России (в Астраханской и Ростовской областях, Ставропольском и Краснодарском краях) «северокавказская этническая составляющая» населения, тем не менее, стабильно растёт (табл 3); одновременно прослеживается и эффект дальнейшей концентрации представителей северокавказских этносов на территории «своей» республики. В этнодемографической сфере (равно как и в экономике) наблюдается, в итоге, противоречивое сочетание интеграционно-деинтеграционных процессов, видоизменяющих (наряду с недавними геополитическими событиями) всю территориальную структуру российского Юга.

В укореняющихся реалиях «постсекулярного общества» [14] Северный Кавказ, впрочем, уже сейчас не только воспроизводит, но и аспектно наращивает свою «особость» (экономическую, демографическую, этнокультурную). Причём, если ранее (с мая 2000 г., когда был учреждён институт федеральных округов, и по январь 2010 года, момент обособления Северо-Кавказского федерального округа) территориальная конструкция южно-российского анклава скреплялась

«вертикалью власти», то ситуация последних четырёх лет инициирует административно-управленческий и (что существеннее), ментальный (проецирующийся и на научный дискурс [10, 15]) «отрыв» Северного Кавказа от остальных регионов российского Юга. Важно, при этом, осознавать, что в силу многих политико-экономических и социально-демографических причин (селитебной чересполосицы, переплетения экономических интересов и гуманитарных взаимодействий и др.) проведение чёткой разделительной линии между собственно Северным Кавказом и остальными территориями Юга России в настоящее время методологически некорректно, инструментально невозможно, да и бесперспективно с политико-экономической точки зрения. Выступая полосой полиэтничного и поликультурного диалога, высокопроблемным полем, ареалом специфических экономических, социальных и политических форм и моделей, Северный Кавказ имплантирован в современный Юг России, стабильно наращивая в нём своё «присутствие» и, одновременно «выплёскиваясь» за его привычные границы.

Таблица 3. Динамика доли автохтонных северокавказских этносов* в этнической структуре населения некоторых регионов Юга России, %³

Республика Калмыкия		Ставропольский край		Астраханская область		Ростовская область		Краснодарский край	
2002г.	2010г.	2002г.	2010г.	2002г.	2010г.	2002г.	2010г.	2002г.	2010г.
6,0	5,3	5,0	5,5	3,0	3,2	0,91	0,92	0,75	0,76

* рассчитано по 15 наиболее крупным по численности северокавказским этносам (Чеченцы, Аварцы, Даргинцы, Осетины, Кабардинцы, Кумыки, Лезгины, Ингуши, Карачаевцы, Лакцы, Табасараны, Адыгейцы, Балкарцы, Ногайцы, Черкесы)

Узловые элементы территориальной социально-экономико-культурной системы Юга

Социально-экономическое положение северокавказских регионов, их геополитическая и геокультурная позиция, (в том числе и по отношению к государствам Исламской Уммы), миграционное «поведение» населения – все эти обстоятельства уже в среднесрочной перспективе станут оказывать возрастающее влияние на характер **этнокультурного диалога** во всех регионах и субрегионах Юга России, предопределяя, в частности, *приоритетность в нём различных аспектов соразвития конфессиональных систем Православия и Ислама*, а также *русско-тюркского межэтнического взаимодействия* (учитывая этно-территориальную структуру Юга России, современное метарегиональное геополитическое и геоэкономическое

³ Составлено автором по данным Всероссийских переписей населения

значение Турецкой Республики [16], перспективы её влияния на тюркские государства и в целом сопредельное евразийское пространство [17]). Общественно-географический контекст южно-российского межэтнического и межкультурного диалога, при этом, устойчиво «расширяется» как «внутри» макрорегиона», так и вне его, обретая свойства метарегионального, интерцивилизационного, всё ощутимее созвучного трендам глобализации, европейской и евразийской интеграции.

И на Северном Кавказе, и в Крыму, и на всём остальном пространстве **Большого Юга России** (полагаю, что именно подобное словосочетание, впервые прозвучавшее пять лет назад [7], в наибольшей мере созвучно логике эволюции южно-российского анклава, его современным общественно-географическим реалиям – рис. 2) на приоритетные позиции, при этом, всё больше выходят структуры трансграничные, «контактные», характеризующиеся, в том числе, активной этнодемографической и этнокультурной динамикой, локализованные в исторически уже сложившихся и новых (инициированных геостратегическими изменениями) транзитных коридорах и урбанистических ареалах.

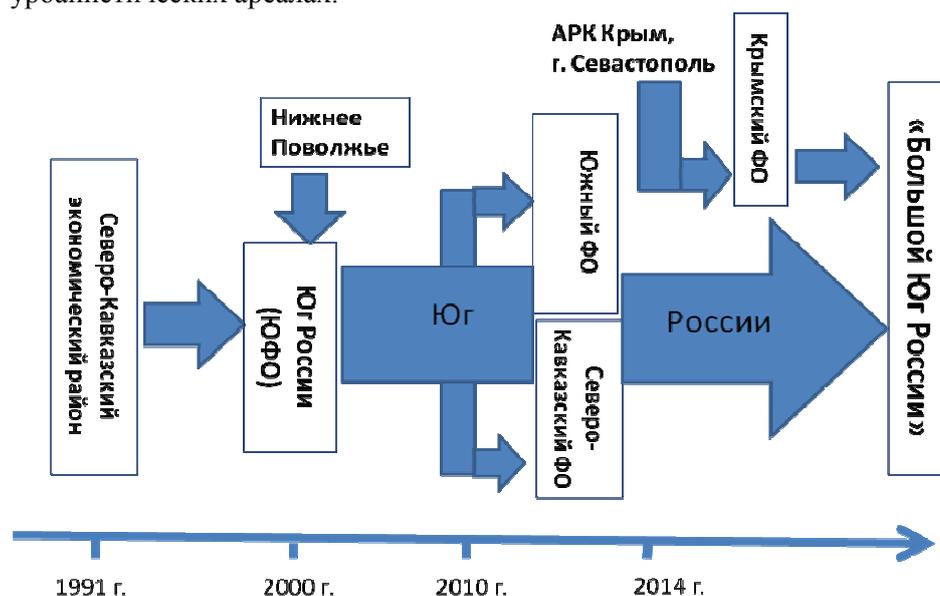

Рисунок 2. Юг России: эволюция базовых структур и концептов

Так, интегрирующим «русский» Юг с поли- и моноэтническими регионами Северного Кавказа выступает **Ставропольско-Кавминводский этнокультурный узел** (центрированный на динамично растущие г. Ставрополь и Кавминводскую агломерацию; за последний межпереписной

период население Ставрополя увеличилось на 12,2 %, КМВ – на 5%, при среднем по краю – в 1,9 %) с выбросами от него территорий-«протуберанцев» с активными этнодемографическими и этнокультурными трансформациями.

Значимую роль в территориально-системной архитектуре Юга играет и *Астраханский этнокультурный узел*, характеризующийся наиболее интенсивной (в масштабе макрорегиона) этнодемографической динамикой (за 2002 - 2010 гг. доля русских в населении Астраханской области сократилась на 8,6 процентных пункта, что существенно опережает тренд по всем остальным регионам Юга России).

Вхождение в состав РФ Крыма с его весомыми украинской и крымско-татарской составляющими (соотношение на полуострове крымских татар, украинцев и русских, по данным переписи 2001 г., составляло 1 : 1,7 : 4,6) позволяет акцентировать наличие и имманентного современному российскому Югу *Крымского этнокультурного узла*, который, как видится, способен (и должен!) стать приоритетной площадкой для выработки эффективной, стратегически значимой для России модели позитивного, ориентированного на общеевразийскую перспективу русско-украинского и русско-тюркского этнокультурного взаимодействия.

Отметим, что все три вышеназванных узловых элемента территориальной системы Юга объединяются обширной, преимущественно широтного направления (лишь частично «размыкаемой» Калмыкией) *Южно-российской полосой соразвития Православия и Ислама*, которая частично перекрывает базовую для архитектоники Юга (постепенно «выклинивающуюся» к юго-востоку) *Предкавказскую селитебную и хозяйственную полосу*, концентрирующую 2/3 всего сельского населения Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, а также большую часть (13 из 25) городов с людностью 100 тысяч и более.

Заключение

Явив новые пространственные контуры, российский Юг, в итоге, обретает всё большую сложность, фрагментированность, «контактность» и «экстравертность». С одной стороны, и демографически, и экономически, и в социокультурном отношении Юг России – это микромодель Евразии, с другой – одна из наиболее внутренне нестабильных и уязвимых для внешних воздействий её российских составляющих. Видение сопряжённости территорий «Большого Юга России», понимание их общественно-географической специфики, требуют, в этой связи, приоритетного внимания к территориальным факторам, формам и следствиям диалога русской и иноэтнических культур, достижения консенсуса в отношениях регионов Юга с общероссийским центром, развития хозяйственных и иных связей с

соседними государствами как альтернативы геополитической конфронтации. Идентифицируя корреспондирующее с современными глобальными трендами изменение (и усложнение) территориальной структуры Юга России, равно как и в целом растущее социально-экономическое и этнокультурное многообразие южно-российского макрорегиона, поливариантность моделей и трендов его регионального и субрегионального развития, следует извлечь максимальный геоэкономический эффект от полиэтничности Юга, от растущего интереса к макрорегиону сопредельных и иных государств, выстраивая многовекторную систему сдержек и противовесов, используя, при этом, противоречия в отношениях мировых и региональных «центров силы» и не допуская чрезмерного усиления ни одного из них на территории Юга России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
2. Дугин А.Г. Основы геополитики. М. 1997. 451 с.
3. Дружинин А.Г. Южно-Российский региогенез: факторы, тенденции, этапы // Научная мысль Кавказа, 2000. № 2. С.75-83.
4. Дружинин А.Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С.83-92.
5. Юг России на рубеже III тысячелетия: территория, ресурсы, проблемы, приоритеты / Под редакцией А.Г. Дружинина и Ю.С. Колесникова. Ростов-на-Дону: из-во РГУ. 2000. 297 с.
6. Дружинин А.Г. Юг России конца XX - начала XXI вв. (экономико-географические аспекты). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. 2005. 283 с.
7. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. 2009. 288 с.
8. Иншаков О.В. О стратегии развития Южного макрорегиона России (Методологические и методические проблемы формирования). Волгоград. 2003. 185 с.
9. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 176 с.
10. Сущий С. Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М. 2014. 438 с.
11. Караганов С. Мир становится все менее прозападным // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс] <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Mir-stanovitsya-vse-menee-prozapadnym-16564> Дата обращения 22.07.2014
12. Багров Н.В. Крым – модельный регион устойчиво-ноосферного развития // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2010. Вып.1. С. 5-12
13. Дружинин А.Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Серия Географическая. 2014. № 1. С.19-27

14. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Издательство «Весь мир», 2011. 336 с.
15. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И. В. Стародубровская, Н. В. Зубаревич, Д. В. Соколов, Т. П. Интигринова, Н. И. Миронова, Х. Г. Магомедов. Сер. Экономическая политика между кризисом и модернизацией. – М.: Издательский дом «Дело», 2011. 328 с.
16. Дружинин А.Г., Ибрагимов А., Башекан А. Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78-87
17. Friedman G. The Next 100 years. A Forecast for the 21st century. – NY: Doubleday, 2009

Александр Георгиевич Дружинин

ЈУГ РУСИЈЕ У САВРЕМЕНОМ ГЕОСТРАТЕШКОМ КОНТЕКСТУ: НАЈ-ВАЖНИЈЕ СТРУКТУРНЕ КОМПОНЕНТЕ И ДЕМОГРАФСКИ ТРЕНДОВИ

Резиме

Добивши нове просторне контуре, руски Југ добија све већу сложеност, фрагментираност, «контактност» и «екстравертност». С једне стране, демографски, економски и у социокултурном погледу Југ Русије – то је микромодел Евразије, с друге – једна од изнутра најнестабилнијих и рањивих за спољашње утицаје компоненти Русије. Сагледавање повезаности територија «Великог Југа Русије», схватање њихове друштвено-географске специфике, захтевају, у вези с тим, да се посвети приоритетна пажња територијалним факторима, формама и последицама дијалога руске и других етничких култура, достигнућима консензуса у односима региона Југа са општефедералним центром, развоју економских и других веза са суседним државама као алтернативи геополитичке конфронтације. Идентификујући промене које кореспондирају са савременим глобалним трендовима и усложњавања територијалне структуре Југа Русије, као и растућу социјално-економску и етнокултурну разноврсност јужно-руског макрорегиона у целини, поливаријантност модела и трендова његовог регионалног и субрегионалног развоја, треба извући максималан геоекономски ефекат од полиетничности Југа, од растућег интереса према макрорегиону суседних и других земаља, градећи вишевекторски систем препрека и противутежа, користећи, при томе, противуречности у односима светских и регионалних «центара моћи» и не допуштајући прекомерно јачање ни једног од њих на територији Југа Русије.